

«Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы

Ю.П. ШАБАЕВ, И.Л. ЖЕРЕБЦОВ, П.С. ЖУРАВЛЕВ

Применительно к европейскому Северу России исследователи часто используют определение «Русский Север». В полной мере его нельзя считать ни географическим названием, ни топонимом, ибо используется данный термин в последние десятилетия в фольклорно-этнографическом смысле для обозначения историко-культурной провинции, которая не имеет ни четких границ, ни населения, которое являлось бы однородным в культурном отношении. Появление самого термина обусловлено политическими и культурными обстоятельствами, а смысл, вкладываемый в него, меняется в зависимости от принципов этнополитики, исповедуемых российскими властями.

Ключевые слова: «Русский Север», топоним, идентичность, этничность, коренные народы

Введение

«Русский Север» – устойчивое геокультурное понятие, которое нередко используется как название одной из исторических провинций страны, не имеющей и не имевшей четких административных границ. Однако значимость данного понятия далеко не ограничивается территориальностью, а имеет прежде всего символический и исторический смысл. Этот смысл определяется восприятием региона в интеллектуальных и научных кругах. Но используя понятие «Русский Север», исследователи редко задумываются над его возникновением и значением, ибо, как заметила культуролог А.Н. Соловьева, «географическое название *русский Север*... “превратилось” в макрорегиональный топоним, который воспринимается как “естественный” – за ним стоит мощный культурно-ландшафтный регион *Русский Север*. Его естественность заключается, вероятно, в том, что *Русский Север* несет в себе функцию географического названия – метки (Русский Север – север России) и топонимическую функцию за счет использования этнического прилагательного “русский”» [Соловьева 2011, с. 217]. Между тем, поскольку указанное понятие (географическое название, топоним?) широко применяется в гуманитарных науках, вполне справедливо задать несколько вопросов. Является ли «Русский Север» действительно русским? Когда он стал таковым и стал ли вообще? Когда и почему

появилось само указанное понятие и чем обусловлено его появление? И, наконец, – каковы границы Русского Севера?

Для ответа на все эти вопросы, безусловно, требуется обратиться к анализу исторического прошлого региона, коснуться вопроса о динамике этнического состава населения и определить смысл понятия «Русский Север» и изменения в его понимании.

Настоящая статья представляет собой попытку дать ответы на поставленные вопросы и показать, как меняющийся исторический контекст приводил к изменениям в культурном маркировании северных территорий.

Колонизация европейского Севера и его место в политической и культурной географии России

На ранних этапах отечественной истории европейский Север России, который во многом синонимичен сегодня понятию «Русский Север», к исключительно русским регионам не относился. В скандинавской летописной традиции это была Биармия (Бьярмаланд) – земля биармов [Джаксон 1988], по поводу локализации которой нет единого мнения, хотя очевидно, что скандинавские описания весьма условно обозначали границы Бьярмаланда [Захарова 2011, с. 421–428]. В русской летописной традиции названные земли довольно определенно характеризовались как территории, находящиеся в даннической зависимости от Великого Новгорода, «*А се волости новгородские: ...Вологда, Заволоцье, Колоперем, Тре, Перемь, Югра, Печора*» [Грамота договорная Новгорода]. Земли «за Волоком», т.е. за Онегой уже в XI–XIII вв. стали именоваться Заволочьем, а в последующие два столетия этот термин приобрел расширительную трактовку, ибо им определялись и территории Нижнего Подвинья – собственно Двина и Двинская земля, а потом также Прионежье и территории к востоку от Двины, вплоть до реки Печоры. Что касается населения Заволочья, то оно именовалось чудью или чудью заволочской [Ефименко 1869; Лашук 1969; Криничная 1991; Рябинин 1995].

Славянская колонизация европейского Севера привела к изменению восприятия данной территории и к изменению характера ее культурного маркирования. Эта колонизация началась уже в XI в., но в указанную эпоху «этнический состав Русского севера не исчерпывается компонентами славянского происхождения. К моменту твердо зафиксированного расселения русских на Севере (Устав 1137) там жили угро-финские племена. Попытки с помощью топонимии обнаружить более древние этнические пласты не встречают поддержки специалистов» [Витов 1997, с. 18–19].

Колонизация шла двумя потоками: из Новгорода и из Ростова Великого (верховая и низовая) [Власова 2005]. Она была масштабной и быстрой, но главное ее следствие состояло в том, что переселения на север славянского населения позволили не только окончательно подчинить регион русскому влиянию, но и культурно интегрировать его. Процессы культурной интеграции протекали довольно интенсивно, о чем свидетельствует появление еще в «новгородскую эпоху» общего наименования территории.

Общий географический термин «Поморье» впервые упоминается в новгородской купчей грамоте 1459 г., а название «поморцы» в Новгородской четвертой летописи в 1526 г. [Ануфриев 2008, с. 34–36]. За несколько столетий произошло превращение северных территорий из Заволочья в новгородское владение Поморье,

а затем и во владение Московского государства. Но речь идет не просто о смене названия и изменении характера вассальной зависимости: кардинально изменился культурный облик территории и этнический состав ее населения. Место чуди, веси, двинян и других территориальных и этнических определителей прочно заняли поморцы, поморяне, т.е. некое новое сообщество, имевшее обобщенное название, которое тем не менее подразумевало и этнический подтекст.

Вместе с тем обобщенное название «поморцы», которое упоминается в новгородских документах, было, скорее, лишь собирательным обозначением населения обширного региона, еще не осознавшего своего культурного единства, своей принадлежности к какой-то социальной общности. Подобного осознания просто не могло произойти в названную эпоху в силу многих причин: экономических, социальных, политических. Важную роль в культурной и политической интеграции играли три момента: религиозная принадлежность и религиозная идентичность (православные или некрещеные язычники), система вассальной зависимости (подданные русского царя, ясачное население) и система мировосприятия средневекового человека. У людей эпохи средневековья существовали свои пространственно-временные представления [Гуревич 1972; Лотман 1999], которые отличались от современных. Эти представления довольно четко прослеживаются на этнографическом материале [Конаков 1996], и главная их особенность состоит в локальности бытия и сознания. Впрочем, локальность самовосприятия сохранялась довольно долго в крестьянских немодернизированных сообществах, и даже после Первой мировой войны во вновь образованных странах Восточной Европы крестьяне в отдаленных поселениях во время переписи определяли свою идентичность не с помощью политонимов, общеэтнических или локальных этнонимов, а с помощью определителя «тутошние», «местные» [Андерсон 2001]. Эта локальность проявлялась также и в культурном маркировании территории, и в построении общей культурной картины местных сообществ.

Картина мира средневековых жителей Севера представляла собой некое сочетание физического и социального пространства, в котором место славян было весьма значительным. Несомненно, что славяне, пришедшие на Север, изначально оценивали себя как доминантную культурную группу, а свое окружение воспринимали как культурную периферию. Следствием такого восприятия и стало формирование этноцентричной модели мира, которая «отразилась и на восприятии земель Севера, населенных “инородцами” как иного, потустороннего мира, в котором, говоря языком русских странников, “все напротив”. Поэтому вся этническая периферия Русского Севера наделялась характеристиками антимира...» [Теребихин 2004, с. 5]. В этой модели мира наименование поморяне во многом становилось синонимом славянского населения региона, и термин использовался в основном для обозначения именно этого этнического компонента. Здесь важно заметить, что культурная дистанция между русским и иноэтничным населением европейского Севера была довольно устойчивой и проявлялась не только в восприятии представителей этнических меньшинств как «чужих», культурно отличных жителей Севера, но и устойчивом воспроизводстве этой дистанции.

Разрушению средневекового мировосприятия и средневековой идентичности, в которой локальность и локальные определители играли решающую роль, повсеместно способствовало развитие внутреннего рынка, торговых связей и отношений. Для европейского Севера в этом смысле важнейшую роль сыграли два исторических события. Первое из них было связано с тем, что английские купцы открыли для себя Северную Московию, в связи с чем при Иване IV был заклю-

чен русско-английский торговый договор, а европейский Север перестал быть отдаленной окраиной владений московского государя и начал восприниматься как северный рубеж русского государства и как «окно» в Московию. Второе событие связано с основанием в 1551 г. в устье Северной Двины города Архангельска, изначально превратившегося в важнейший торговый порт государства. Этот город был значим не только для внешних торговых отношений, но не меньшую роль он сыграл и в деле формирования регионального рынка, и укрепления внутренних торговых связей. Именно сюда в Архангельск двиняне, мезенцы, пинежане, жители Карельского, Терского и других берегов Белого моря везли рыбу, продукты зверобойного промысла; здесь они обменивали их на другие товары или выручали за них деньги; здесь же всех этих торговых людей стали называть поморами [Давыдов 1983], и здесь возникала общая поморская идентичность, ибо региональный центр стал играть важнейшую интегрирующую роль. Эта общая поморская идентичность укреплялась еще и тем, что торговые отношения с иностранцами позволяли четче понять культурные отличия местного населения от иноземцев, и оппозиция «свои–чужие» формировала более определенное представление о «своих».

В результате из пинежан, мезенцев и т.д. к XVIII столетию сформировалось некое культурное сообщество, а термин «поморы» превратился в этноним. Прежнее название жителей «поморцы» было, вероятно, не столько этническим определителем, сколько региональным. Название же «поморы» обозначало уже собственно русское население европейского Севера, ибо остальные этнические группы в официальных документах именовались иначе.

С XVIII в. начался имперский период в истории России, и для ее правящих кругов задача учета и идентификации своих подданных стала значимой, поскольку важно было подчеркнуть имперское величие не только обширностью территории, но и числом присягнувших на верность народов (не принимая во внимание собственно фискальные соображения властей). Этот период совпал по времени не только с формированием поморов как специфической культурной группы русского населения Севера, а также и постепенным падением торгового значения Архангельска, переориентацией торговых путей, связывающих Россию с Европой, с северных морей на Балтику. Но к началу названного периода связи региона с Европой были более интенсивны, нежели в какой-либо иной части империи. Эти связи не только способствовали экономическому процветанию Архангельска, но и стимулировали интеллектуальную жизнь в городе, поскольку он был открыт не только для торговых связей, но и для идей, рождаемых европейской общественной мыслью.

А в европейской культуре данного периода задача понимания культурного пространства и места человека в этом пространстве выдвинула на передний план идею интеллектуального поиска. Работы философов эпохи Просвещения подготовили национальную основу для возникновения последующих политических теорий и, в частности, теории нации и национализма; и, вероятно, главной идеей эпохи стала идея народного суверенитета [Руссо 1998; Рассел 1994]. Народный суверенитет и сама идея народности возникли на основе критического взгляда философов на историю, в том числе на европейскую историю. Внимание к истории отечества в этот период стало крайне актуальным и для интеллектуального поиска в России.

Европейский Север, как уже сказано выше, к началу XVIII в. не был замкнутой и отдаленной периферией: через него проходили главные торговые пути России. Поэтому здесь сформировался свой достаточно большой слой образованных людей, которые не только заимствовали идеи западных мыслителей, но и стремились

применить их в деле познания истории и культуры Севера, потому что осознавали свое предназначение в общественном служении населению Архангельской губернии. Неслучайно изучение богатств края, его истории и культурных особенностей местного населения здесь началось раньше, чем в других губерниях России.

Исследовательская деятельность на Севере вполне логично начиналась с краеведческой работы. Начало местному краеведению было положено В.В. Крестининым, который в 1759 г. в сотрудничестве с Александром Фоминым, Алексеем Свешниковым и Николаем Зыковым основал в Архангельске первое историческое общество в России – «Общество для исторических исследований». Оно было поддержано Академией наук и Вольным экономическим обществом, но не получило поддержки у местных властей, а по тому достаточно быстро прекратило свое существование. Заметим, что тогда речь не шла о «Русском Севере», а территориальность и этничность имели вторичное значение в научном поиске, целью которого было составление наиболее полной номенклатуры различных провинций империи и описание их природного разнообразия. Имперская идеология на данном этапе ограничивалась обоснованием легитимности экспансионистских устремлений, прав на владение новыми территориями и управление новыми народами, но не на детальном описании их культурного своеобразия.

При этом изучение туземного населения и составление перечня населяющих империю народов как академическая задача постепенно становились все более актуальными, о чем можно судить по «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера и экспедиционным материалам академика Ивана Лепехина [Миллер 1937, 1941; Лепехин 2010].

Превращение европейского Севера в культурное ядро России. Рождение термина «Русский Север»

В первой половине XIX в. и в середине столетия главное внимание исследователями уделялось статистико-географическим описаниям различных частей российской империи [Пространство власти 2001; Исторические понятия 2006], в которых, однако, делались попытки культурной классификации территорий и описания населяющих их племен.

В отличие от России, все еще не познавшей в полной мере свое культурное многообразие и не осознавшей необходимость политического единства, в Европе в конце XVIII в. и начале XIX в. идеи государства и нации «сплывались в форму национального государства» [Хабермас 2002, с. 365], и потребность в культурной однородности нации как политического сообщества становилось важным двигателем внутренней политики зарождавшихся государств-наций. Под влиянием новых идей династические империи все определеннее ощущали необходимость поиска и аргументации своей культурной основы, формирования внятной государственной идеологии: «Поскольку в середине века все династические монархии использовали *какой-нибудь* бытующий на их территории язык как государственный, а также в силу быстро растущего по всей Европе престижа национальной идеи, в евро-средиземноморских монархиях наметилась отчетливая тенденция постепенно склоняться к манящей национальной идентификации. Романовы открыли, что они великороссы, Ганноверы – что они англичане, Гогенцоллерны – что они немцы, а их кузены с несколько большими затруднениями превращались в румын, греков и т.д.» [Андерсон 2001, с. 107].

К середине XIX в. власти Российской империи стали понимать необходимость формирования собственной национальной идеологии и национального мифа, и в эту эпоху начинаются активные споры по поводу места великороссов в системе государства и по поводу самого понимания «русскости».

Фактически именно в это время была сформулирована идея государственного народа, которая превратится в важный политический принцип уже при формировании Версальской системы, возникшей после завершения Первой мировой войны [Ноженко 2007]. Великороссы стали рассматриваться официальными идеологами именно в качестве государствообразующего народа. «В 1864–1865 гг. М.Н. Катковым были сформулированы условия, обеспечивающие наиболее стабильное развитие российского государства. Российская империя, по его мнению, могла существовать только как государство, в котором обеспечено преобладание титульной национальности. Другие “племена” могли сохранять свой язык, религию, культурные особенности, иными словами, все, что не угрожает целостности государства. При этом должно неуклонно поддерживаться единство законодательства, системы управления, государственного языка. Главной опасностью для России, считал Катков, мог стать сепаратизм отдельных народов, стремящихся стать самостоятельными нациями» [Бахтурина 2004, с. 5].

Политические идеи неизбежно находили отклик и в умонастроениях интеллектуальной элиты. От описания экзотических инородческих групп, населяющих обширные пространства империи, интерес исследователей все активнее стал смещаться к изучению русского крестьянина и его культурных ценностей. Созданное в эти же годы Русское географическое общество определило своей целью изучение *Русской земли* и *Русского народа*, и «соответственно “ледяные пустыни” и “девственная тайга” наполнялись *русскими* героями и *русскими* воинами» [Слезкин 2008, с. 97], которых рождали фантазии путешественников, писателей и по-иски историков.

В этой связи все большее внимание стало уделяться анализу России как геополитического пространства и попыткам понимания того, кто есть великороссы, какие регионы страны являются историческим ядром Российского государства. Само понятие «великороссы» уточнялось и дополнялось на протяжении XVIII и XIX столетий, равно как не оставалось неизменным понимание того, какие губернии могут считаться историческим ядром государства, каково то культурное пространство, которое именовалось Великой Россией.

Одним из первых исследователей, кто предложил перечень губерний, относящихся к территориям заселенным великороссами, был Н.И. Надеждин. Он определил пространство Великой России как «сердце» Российской империи, но в состав Великой России Архангельская, Олонецкая и Вологодская губернии он не включал. Не относил к внутренней России и Великороссии названные губернии и географ К.И. Арсеньев, который также перечислил области «внутренней России», названных им «великим кругом» [Лескинен 2010, с. 3–5]. Однако во второй половине столетия воззрения на культурное значение европейского Севера стали меняться. В наиболее масштабном научно-популярном издании XIX в. «Живописная Россия», опубликованном М.О. Вульфом, в первых же томах были даны этнографические описания северных и западных регионов и лишь затем – центральных. На роль типичного «великоросса» и наиболее яркого выразителя «русскости» во второй половине названного столетия исследователи нередко предлагали региональные группы населения Русского Севера [Деготь 2002, с. 176–186].

С одной стороны, это было связано с тем, что Россия активнее превращалась в национальную (этнонациональную) империю, где культурное ядро ее населения приобретало государственнообразующее значение. С другой стороны, это объяснялось расширением «поля русскости», ибо прежние окраины начинали восприниматься как сугубо «русские» регионы (Урал, Дон, Сибирь). Но не менее значимым было еще одно основание, которое сыграло важную роль в переосмыслении культурного значения европейского Севера, а именно: расширение научного поиска на Севере.

Открытие значения Русского Севера для науки, прежде всего, для истории, археологии, этнографии и фольклористики связывают с именами А.Ф. Гильфердинга, П.Е. Ефименко, Л.Н. Рыбникова, Е.Н. Барсова, Н.Е. Ончукова, Ф.М. Истомина и Г.О. Дютша, А.В. Маркова и А.Д. Григорьева, П.Г. Богатырева, О.Э. Озаровской и многих других ученых. Их труды позволили по-новому оценить культурный потенциал европейского Севера и его этнокультурное значение. Регион предстал не как периферия культурного пространства великороссов, а как некая «культурная кладовая», где сосредоточено их многовековое культурное наследие, где сохранилась некая «исконная» или «первозданная» русскость.

Именно активный научный поиск второй половины XIX в. и его результаты позволили выстроить интеллектуальный культурный проект «Русского Севера». С целью объединения усилий многих специалистов и привлечения к делу изучения истории и культуры края широких слоев общественности в 1908 г. было создано Архангельское общество изучения Русского Севера (АОИРС). Создание Общества можно считать неким кульминационным моментом в истории изучения обширного культурного региона: в течение нескольких лет общество превратилось в одно из самых авторитетных в России, а издающийся с 1909 г. журнал Общества «Известия АОИРС» был признан лучшим периодическим изданием по краеведению в провинциальной России.

Деятельность Общества еще более способствовала восприятию европейского Севера как исконно «русского региона», как единой историко-культурной провинции, сыгравшей важнейшую роль в формировании русской ментальности. Неслучайно в начале XX в. творческие поездки на Север стали совершать многие российские художники, для которых фольклор, отечественная история и культура являлись стимулом для творчества: К.А. Коровин, В.А. Серов, И.Э. Грабарь, А.Е. Архипов, М.В. Нестеров, В.В. Верещагин.

Однако можно ли считать Русский Север только лишь культурно-исторической провинцией и культурным символом, связано ли само появление термина лишь с интеллектуальным поиском или оно логично вписывается в официальную идеологию, в стратегию построения национальной империи?

Вероятно, достаточно очевидный ответ на эти вопросы можно получить, обратив внимание на то, кем и когда был введен в публичный оборот термин «Русский Север». Этот термин появился не в трудах историков, этнографов, фольклористов, а впервые был использован лицом официальным, более того лицом политически значимым. В конце XIX в. губернатор Архангельской губернии А.П. Энгельгардт совершает двухлетнее путешествие по вверенной ему губернии. Поездка носила характер инспекции, но одновременно автор вел путевые заметки и описывал местные традиции и быт [*Энгельгардт 1897*]. «В самом тексте книги А.П. Энгельгардт использует нетопонимическую форму словосочетания – *русский Север* (русский с маленькой буквы), но уже, как видим, в заголовке книги географическое назва-

ние приобретает форму топонима. Так появляется, вероятно, первое упоминание о *Русском Севере*» [Калуцков 2009, с. 31]. Характерно, что Энгельгардт не обозначил границы Русского Севера и это, видимо, было сделано вполне сознательно, ибо позволяет толковать вопрос о границах весьма расширительно. Заметим также, что губернатор Энгельгардт внес немалый вклад и в дело становления Архангельского общества изучения Русского Севера.

Тот факт, что термин был введен в публичную сферу лицом официальным и находящимся на высокой государственной должности, делает его содержание политически мотивированным. Еще более очевидным его политическое значение станет тогда, когда мы обратим внимание на официальную политику властей Российской империи и на идейную атмосферу, которая диктовала необходимость маркирования северных регионов как исключительно русских или находящихся в сфере русского культурного влияния.

Со второй половины XIX в. усиливается проникновение на Север норвежских рыбопромышленников и зверобоев. Это проникновение повлекло за собой не только усиление конкуренции с поморами, но также и то, что Кольский север, архипелаг Новая Земля стали восприниматься как ничейная территория [Федоров 2009; Нильсен 1996], на которую юрисдикция царского правительства не распространялась. Это заставило российские власти принять специальную программу освоения Кольского севера и меры по стимулированию предпринимательской деятельности российских рыбопромышленников. Естественно, необходимо было однозначно маркировать территории европейского Севера как российские. Таковая потребность усиливалась еще и тем, что помимо норвежцев, существовала и другая опасность, которую российские власти видели в деятельности финских миссионеров, особенно активно действовавших с конца XIX в. – начала XX в. в Карелии (включая Карельский берег Белого моря) и занимавшихся пропагандой лютеранства, финской культуры. В противовес этой деятельности царские власти считали необходимым усилить русификацию меньшинств [Мусаев 2007], а территории со смешанным населением обозначать как исключительно русские. При этом не следует недооценивать как роль процессов культурной интеграции, так и значение меняющихся культурных ориентаций, которые склонялись в пользу доминирующей этнической общности. Ну и, наконец, надо принимать во внимание тот факт, что к началу XX столетия окончательно сформировалась националистическая доктрина, суть которой последовательно пропагандировала газета «Русское знамя», а ее содержание определялось следующим образом: «Русский народ как нация выражается в трех символах: вере православной, царе самодержавном и народе русском» [Размолодин 2011, с. 153].

Все это в совокупности позволило в начале XX в. перекалвалифицировать «Поморье» в «Русский Север», а «поморов» – в «великороссов», что подтверждается как результатами первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. [Первая Всеобщая перепись населения 1905], так и тем, что с начала XX в. термины «поморы» и «Поморье» выходят из употребления [Бернштам 1978]. Очевидно, что данная перекалфикация была как культурно, так и политически мотивирована и культурный проект «Русский Север» поэтому можно отчасти считать и политическим проектом.

Однако в дальнейшем политическая значимость маркирования европейского Севера как собственно русского региона утрачивается, и последующими поколениями Русский Север стал восприниматься сугубо как культурный

символ. В этом отношении наиболее показательно замечание, которое сделал академик Д.С. Лихачев: «Самое главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека, – это то, что он самый русский. Он не только душевно русский – он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре. Он спас нам от забвения русские былины, русские старинные обычаи, русскую деревянную архитектуру...» [Лихачев 1983, с. 7] Современные исследователи пишут не только о «заслуге Русского Севера в развитии культуры и образования» [Булатов 1999, с. 258], но также и о «метафизике Севера», о его «сакральной географии», которая якобы и выделяет его в особую культурную реальность, и позволяет говорить о нем, как о едином культурном пространстве [Теребихин 2004].

Именно в советские годы термин «Русский Север» потерял не только свое политическое значение, но и значение культурного ядра страны, чему немало способствовала политика в отношении малых народов Севера.

Советская эпоха и советская система культурного маркирования

Смена эпох, как правило, влечет за собой и смену культурных символов. На Севере это проявилось очевидно и достаточно быстро. После победы большевиков была принята на вооружение доктрина этнического национализма, суть которой базировалась на двух ключевых положениях: 1) каждая этническая группа должна обладать собственным национально-государственным образованием, 2) в рамках собственного государственного образования данная группа получала статус «коренной», а все остальное население относилось к «некоренным» жителям. Коренная этническая группа могла претендовать на политическое доминирование и иные преференции [Тишков 1993]. Вся территория страны была поделена на этнические анклав: автономные республики, области, национальные округа и даже национальные сельсоветы. Идея состояла в том, чтобы обеспечить новому режиму политическую поддержку со стороны многочисленных этнических меньшинств. Поэтому идеологи большевизма говорили о необходимости особого внимания к интересам этих культурных групп [Ленин (1) 1986], подчеркивали необходимость борьбы с великодержавным русским шовинизмом [Ленин (2) 1986], и поэтому вместо республиканских идеалов гражданского равенства, которые декларировались лидерами Великой Французской революции [Braudel 1986], российские большевики стали выстраивать особую систему политической и культурной иерархии, фактически следуя логике идеологов имперской России. Главной политической опорой режима и наиболее лояльной социальной группой был определен пролетариат (промышленные рабочие), а остальные социальные группы объявлялись недостаточно зрелыми для социалистического преобразования общества. Но этнические меньшинства рассматривались как естественный союзник пролетариата, поскольку многие из них не имели развитой классовой структуры. Кроме того, как и пролетарии, представители меньшинств могли рассматриваться как эксплуатируемая часть общества, а в качестве эксплуататора выступало само государство в лице его чиновников и в лице представителей государствообразующего народа.

В культурной политике произошло совмещение политических и этнических принципов организации общества, а потому термин «национальность» (*nationality*),

который в других странах означает лишь гражданство, стал в СССР синонимом этнической принадлежности. Подмена идеи гражданства и гражданского равенства идеей этничности и превращение этнической принадлежности в синоним «национальности» позволили исключить из политического дискурса идеи прав гражданина и человека. Политизация культурных различий превратилась в важное направление внутренней политики, и неслучайно в 1932 г. в СССР был введен внутренний гражданский паспорт, где графа «национальность» стала обязательной (в отличие от других стран), а фиксация этнической («национальной») принадлежности гражданина стала осуществляться согласно специальной инструкции, суть которой сводилась к принудительному и пожизненному навязыванию этничности (национальной принадлежности). Тем самым каждый член общества был тесно привязан к определенной этнической группе, чего прежде не было.

Превратив этничность в важный политический маркер, большевики использовали ресурс политически мобилизованной этничности меньшинств для нейтрализации политического ресурса великороссов. Более того, русские (согласно официальной точке зрения) были главными эксплуататорами на Севере, а борьба с эксплуататорами и ликвидация всяческих форм эксплуатации были объявлены основной целью новой власти. Вполне закономерно, что сам термин «великоросс», рассматриваемый как намек на господствующее положение данной группы, был исключен из политической лексики, а в политическую практику была внедрена культурная иерархия народов, в которой русские не занимали ведущих позиций, поскольку они не рассматривались как один из «коренных» народов страны. На Севере был создан ряд национально-государственных образований (Карельская трудовая коммуна в 1920 г., Коми автономная область в 1921 г., Ненецкий национальный округ в 1929 г.), где начались процессы так называемой «коренизации», которая нередко принимала форму вытеснения представителей «некоренных народов» со статусных позиций и разделения местных сообществ на этнические сегменты.

В Карелии, например, «в северных районах республики среди карел под влиянием финнизации появилась мода менять на финские свои старинные “русские” фамилии (Петров, Родионов и т.п.). Финнизация приводила к разделению населения по этническому признаку буквально во всех сферах повседневности и общественно-политической деятельности. “Финноязычные” карелы проводили отдельные от русских комсомольские собрания, а в школах карельские дети не хотели сидеть за одной партой с русскими сверстниками. Из 22 газет 10 были на финском языке, из 8 журналов – 5 финноязычные. До 1935 г. в Реболах и Ругозере не было русскоязычных книг, ни один из руководящих работников не говорил по-русски. В школах Ребол, Кестеньги и Ухты русский язык вообще не преподавался» [Сурво 2009, с. 126].

Выделение территориальных единиц, в которых одна из этнических групп получала политические и культурные преференции, было не всегда возможно на Севере, поэтому систему административных автономий дополнили специальным списком «народов Севера». Впервые это определение было введено в 1920-х гг., т.е. когда в бывшем СССР осуществлялся активный процесс так называемого национально-государственного строительства и встал вопрос о «необходимости» социальных и экономических преобразований в жизни народов северных окраин страны, социалистического переустройства их хозяйства, быта и культуры. Для развития промыслового хозяйства северных народов в составе Народного

комиссариата по делам национальностей был создан в 1922 г. Приполярный подотдел по охране и управлению северными племенами России.

К числу народов Севера были отнесены чукчи, чуванцы, азиатские эскимосы, коряки, ительмены, алеуты, юкагиры, эвены, эвенки, долганы, нанайцы, нганасаны, ненцы, энцы, селькупы, кеты, ханты, манси, саамы, нивхи, ульчи, удегейцы, негидальцы, ороки, орочи, тофалары [Соколова 2007], т.е. в группу этих народов были включены этнические сообщества, относящиеся к разным антропологическим типам и говорящие на языках уральской языковой семьи, тунгусо-маньчжурской семьи, чукотско-камчатской семьи, алтайской семьи, эскимосо-алеутской семьи языков. Основанием для выделения этих народов в особую группу явились идея о необходимости оказания данным народам адресной помощи для развития их хозяйства и культуры, малочисленность, общая направленность хозяйства (оленьеводство, охота, рыболовство и морской зверобойный промысел), особенности быта, социально-экономическая и культурная отсталость. В советские времена списочный состав народов Севера включал 26 народов, но в названный список сознательно не были включены русские, в том числе культурные группы русского старожильского населения, в хозяйстве которых промысловая деятельность играла важную роль. На европейском Севере к таковым группам относились поморы и усть-цилёмы.

Уже в 1920 г. было ликвидировано Архангельское общество изучения Русского Севера, а сам термин «Русский Север» в 1920–1930-х гг. перестал употребляться. Когда в 1929 г. был образован Северный край (просуществовал до 1936 г.), его создание диктовалось не исторической традицией или этническим составом населения, а сугубо соображениями экономического порядка. Реабилитация термина «Русский Север» произошла уже после Великой Отечественной войны, во время которой политические лидеры вынуждены были обратиться к историческим и культурным символам страны, подчеркивать значимость русского этнического компонента в составе страны (тогда власти заговорили о «Великом русском народе»), более лояльно относиться к религии. Но в послевоенные годы термин «Русский Север» стал использоваться только в фольклорно-этнографическом контексте, т.е. для описания общих явлений в быту, фольклоре, календарной и семейной обрядности северных русских. «Русскость» и «русские» не заняли в официальной идеологии центральное место, ибо эта идеология вообще эволюционировала в сторону «социалистического унитаризма», о значимости которого уже в первые годы советской власти заявлял И.В. Сталин [Сталин 1947, с. 78]. Собственно Ленин также подчеркивал, что «национальный вопрос является вопросом подчиненным» для советской власти [Ленин (2) 1986], а потому логика эволюции официальной идеологии не могла строиться на дальнейшем усилении этнического национализма. Власти понимали, что нужна некая форма культурной и политической интеграции, но эта интеграция не мыслилась ими как этническая ассимиляция, а предполагала формирование нового надэтнического сообщества – советского народа и соответственно новой индивидуальной идентичности – советского человека [Ким 1972]. Фактически подобная форма интеграции мало отличалась от американского концепта «плавильного котла» [Чертина 2000]. Поэтому как культурный символ была принята идея «дружбы народов», а само советское общество в культурном смысле рассматривалось как некая расширенная семья, в которой все народы – братья, а русские – старший брат (что впоследствии и стало трактоваться как стремление к «русификации» меньшинств).

Рассматривать же данную символическую модель как русификацию, в частности, как русификацию северных финно-угров [Taagepera 1999] – это явное упрощение. Таким же примитивизацией является и утверждения об отсутствии в СССР на этапе «развитого социализма» национальной политики вообще, о чем заговорили многие местные исследователи в национальных республиках после краха советской системы. Нам представляется, что в этом отношении наиболее точна оценка этой политики американским лингвистом Роном Виксманом, который полагает, что советская национальная политика в целом была вполне рациональна, логична и постоянна во времени по отношению ко всем этническим группам, поскольку она прежде всего подчинялась целям и интересам режима и была тесно связана с идеологией и общей политической стратегией [Wixman 1986, p. 449–468].

Тем не менее, очевидно, что места государственному народу (этносу), на роль которого могли претендовать только русские, в советских идеологических конструкциях не было, если исключить некие декларации и идею «старшего брата», которая не была подкреплена системой этнических предпочтений, каким-либо общественно значимым культурным стандартом типа американского WASP (белые американцы англо-саксонского происхождения, исповедующие протестантизм) и самой советской этнической номенклатурой («коренные народы», «национальные меньшинства», «народы Севера»).

Советская этническая номенклатура наложила свой отпечаток и на понимание границ Русского Севера. Если первоначально границы культурной провинции либо не указывались, либо толковались расширительно, т.е. от Кольского полуострова и Карелии до Урала, то поздние советские исследователи четко указывали, что Русский Север – это территория, расположенная между землями, заселенными карелами на западе и коми – на востоке [Витов 1997, с. 9]. Между тем, и в Карелии, и в Коми есть территории, которые исторически были заселены исключительно русскими, и русское население обеих республик сформировалось много столетий назад [Карелы 1983; Жеребцов 1982]. Иными словами, в советскую эпоху произошло существенное ограничение не только территориальных границ провинции, но и сужение смысла термина. Он также очевидно утратил всякое политическое значение, и исчезновение этого смысла довольно своеобразно проявилась в постсоветскую эпоху.

Культурные идентичности на европейском Севере в постсоветской России

Рубеж 1980–1990-х гг. характеризуется радикальными переменами в политической и экономической жизни и сменой правящего режима. Более того, в данную эпоху происходит резкая актуализация этничности и превращение ее в мощный политический ресурс [Тишков 2011]. В числе политических акторов появилось огромное количество этнополитических движений и организаций; в национальных республиках провозглашался приоритет местных законов над федеральными на основании принимавшихся одна за другой деклараций о суверенитете. Как реакция на парад суверенитетов начала 1990-х гг. стали появляться идеи создания «русских» республик [Дробизева 1996]. В этой связи логично было предположить, что уже готовый культурный проект «Русский Север» приобретет политическое значение

и будет использован региональными элитами для формирования региональной идеологии, создания региональных политических движений и административного реформирования территории европейского Севера. Однако этого не произошло: политический ресурс идеи был недостаточен, ибо фольклорно-этнографическое понимание термина «Русский Север», которое многие десятилетия культивировалось в научной среде, ограничивали возможности его политического использования. Но важнее было то, что советская система этнических статусов (которая довлела над сознанием политиков), внедренная большевиками, не наделяла русских статусом «коренного», а, значит, и государственнообразующего народа. Поэтому новые республики предполагалось строить, основываясь на идеях регионализма или превращая локальные этнонимы и локальные культурные традиции в политически значимые символы, конструируя новую этничность, которую лишь отчасти отождествляли с рускостью или не отождествляли вовсе [Шабаев 2006].

Тем не менее, в эпоху суверенизации первой половины 1990-х гг. появились проекты создания Уральской, Вологодской, Сибирской, а также Поморской республик. Что касается последней, то идея ее создания опиралась на культурно-историческую специфику европейского Севера. Для реализации идеи в 1992 г. ряд политических партий и организаций АО зарегистрировали Национальный культурный центр «Поморское возрождение». Многие лидеры движения, выступавшие за создание республики, тем не менее отказались на том этапе от формирования этнополитического поморского движения. В 1994 г. культурный центр «Поморское возрождение» распалось на отдельные группы. Позднейшие попытки интегрировать поморские организации в рамках объединения «Поморский мир» также не были успешными. Тем не менее, «поморская идея» прочно утвердилась в региональном политическом дискурсе и стала обретать культурное содержание.

Очевидное развитие поморская идея получила в недрах региональной политической организации «Демократическое возрождение Севера», которая действовала в Архангельской области до 2001 г. Ее политический концепт опирался на стремление некоторых местных интеллектуалов к культурному и политическому противопоставлению Центральной России и поморской Северной Руси. Идеолог движения Александр Иванов попытался определить, каковы пути формирования священного идеального мира на Севере и где исторические корни стремления к построению такого мира. Он, в частности, заявлял: «Поморы обладают особым чувством собственного достоинства и любовью к свободе. Причина этого в том, что на Севере не было крепостного права, а основной формой организации хозяйственной жизни была не община, а артель. У поморов отсутствует чувство врага, т.к. естественных ресурсов всегда хватало всем, а иностранцев воспринимали не как конкурентов, а как партнеров по торговле. Начавшиеся в глубокой древности контакты с Европой (морем Эдинбург, Осло и Бремен ближе Москвы) выработали западноевропейскую ориентацию сознания, отсутствие ксенофобии и уважение к демократическим институтам. Поморам исторически присуще презрение к московской власти – и царской, и советской, и постсоветской – за ее лживость, жестокость и творимый ею произвол. Поморы стремятся работать не на государство и как можно меньше зависеть от него» [Филатов 2002, с. 65].

С начала 2000-х гг. поморская идея из политической превращается в культурную. Значительный стимул к развитию поморского этнокультурного движения дали итоги переписи населения 2002 г., которые показали, что происходит про-

цесс реидентификации и для части местного населения поморская идентичность вновь становится актуальной, а потому может быть зафиксирована статистически (6,5 тыс. чел. назвали себя «поморами»).

В 2003 г. в Архангельске была зарегистрирована национально-культурная автономия поморов г. Архангельска, а в начале 2004 г. – община поморов как община коренных малочисленных народов Севера (ликвидирована по решению суда в 2011 г.). Некоторые лидеры поморов стали заявлять, что поморы – не этнографическая группа и не субэтнос русского народа, а самостоятельная этническая группа. При этом они настаивали, что это финно-угорская группа (есть и другие варианты понимания поморской идентичности). Председатель национального культурного центра Архангельска И. Мосеев в своем заключении «Этническое самоопределение и этногенез поморов» так сформулировал идеологическую основу поморской национально-культурной автономии: «Несмотря на многочисленные попытки ассимилировать поморов и представить их лишь как составную часть великорусского этноса (этнографическая группа, субэтнос, популяция, сословие и т.д.), поморы сохранили свое этническое самосознание, о чем свидетельствуют результаты переписи 2002 г. . . Поморы – это самостоятельный этнос, первичная культура которого не была привнесена извне (из России), а возникла в ходе постепенного слияния местных угро-финских “протопоморских” культур и культуры первого древнерусского (но не «великорусского») населения» [Шабаетов 2003]. Указанная позиция разделялась одно время и председателем национально-культурной автономии поморов г. Архангельска П. Есиповым, который по этому поводу замечал: «Предками поморов были такие финно-угорские племена как саами, вепсы, корела. . .» [Есипов 2006]. У отечественных этнографов иной взгляд на этническую историю европейского Севера. В частности, И.В. Власова утверждает: «Новгородцы и ростовцы, с которыми было связано формирование русского населения Севера, хотя и представляли собой земельные областные общности, относящиеся к одному этносу, тем не менее, сами с этнической точки зрения имели смешанное происхождение, ибо жили и развивались в различных природных и хозяйственных условиях и при расселении в Восточной Европе, в том числе и по Северу, сталкивались с различными группами финно-угорского происхождения» [Власова 2005, с. 39]. Поморское движение окончательно оформилось как самостоятельная региональная этнополитическая организация лишь к концу первого десятилетия XXI в.: в 2008 г. прошел первый съезд поморов, за ним последовал второй – в 2009 г.

Главным требованием поморского движения – официальное признание поморов как самостоятельной этнической группы и предоставление им статуса коренного малочисленного народа и соответствующих преференций. Общественная поддержка у движения есть, но само понимание поморской идентичности весьма неоднозначно [Шабаетов, Дронова, Шаранов 2010]. Систематизация современной поморской идентичности сложна, поскольку она исторически формировалась на фоне других этнических и региональных идентичностей, долгое время не была актуализирована, и сегодня все еще достаточно неопределенна и сильно мифологизирована.

Однако на пространстве европейского Севера сегодня имеется множество локальных, региональных, этнических идентичностей, но все они выражены довольно слабо. При этом, как показали итоги опроса, проведенного в марте 2010 г. в трех региональных центрах европейского Севера (Мурманске, Архангельске, Сыктывкаре), самой очевидной идентичностью является общая северная идентич-

ность (северяне), которую респонденты воспринимают как гражданскую, но не как этническую идентичность, и примерно две трети жителей названных городских центров однозначно идентифицируют себя подобным образом, на втором месте по значимости оказывается общероссийская гражданская идентичность [Шабаев, Чарина 2010].

Таким образом, в постсоветскую эпоху, когда произошла резкая актуализация этничности, а этнический федерализм продолжал оставаться важным принципом внутренней политики, этническая мобилизация, очевидно, стала проявляться и в сугубо «русских» регионах, где одни прежние культурные символы и этнотерриториальные маркеры утратили свое значение, а другие обрели новое содержание. Но при этом «русскость» явно проигрывала локальным и иноэтничным определителям даже там, где прежде имела топонимическое значение.

Безусловно, русские и сегодня являются крупнейшей этнической группой во всех регионах европейского Севера: в Архангельской и Вологодской областях их доля, согласно данным переписи населения 2002 г., превышает 90%, а в других она почти повсеместно растет (таблица 1), хотя абсолютная численность населения уменьшается как по причине отрицательного сальдо миграции, так и из-за превышения смертности над рождаемостью. Снижение численности населения северных регионов – устойчивая тенденция, причем этот процесс начался во всех регионах европейского Севера примерно в одно и то же время: например, в Вологодской области снижение населения идет неуклонно, начиная с 1988 г., в Республике Коми – с 1990 г., в Мурманской области – с 1989 г. С 1989 по 2002 г. Мурманская область потеряла 23% своего населения, Ненецкий автономный округ – 24%, Республика Коми – 18,6% [Шабаев 2006, с. 6], а если принять во внимание материалы переписи-2010, то оба субъекта потеряли с 1989 г. почти треть населения. По существу ныне происходит процесс *деколонизации европейского Севера*, в результате которого деградируют и перестают существовать не только многие села и деревни, но и поселки, а в ближайшей перспективе вопрос стоит о ликвидации крупных поселений и целых городов.

Таблица 1. Изменение доли русских в составе населения регионов европейского Севера по данным переписей населения, в %

	1970	1979	1989	2002	2010
Архангельская область	92,1	92,4	92,2	95,2	95,6
Вологодская область	97,6	97,2	96,4	96,6	97,3
Мурманская область	84,6	83,8	82,9	85,3	89,0
Ненецкий АО	64,5	65,8	65,6	62,4	66,1
Республика Карелия	68,2	71,3	73,5	76,6	82,2
Республика Коми	53,1	56,7	57,7	59,6	65,1

Миграционный отток населения из регионов европейского Севера не только порожден причинами социально-экономического порядка, которые снизили привлекательность Севера для мигрантов, но стимулируется и будет стимулироваться усиливающейся «миграционной готовностью» населения. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты опроса населения Мурманска, Архангельска и Сыктывкара, осуществленного авторами статьи в марте 2010 г. Согласно данным опро-

са 35,5% жителей Архангельска, 38,8% жителей Мурманска и 39,6% жителей Сыктывкара хотели бы уехать из своих городов и регионов навсегда или на длительное время, а среди молодежи в возрасте от 18 до 25 лет доля потенциальных мигрантов составляет уже 51,4 процента.

В этническом отношении среди выезжающих с Севера преобладают представители славянских народов, т. е. численно доминирующих этнических групп. Это позволяло предположить, что доля титульных этнических групп в составе населения двух национальных республик и одного автономного округа, входящих в состав региона, именуемого «Русским Севером» будет возрастать. И результаты микропереписи населения 1994 г. делали эти предположения не безосновательными. Но перепись населения 2002 г. показала, что доля русских во всех регионах (за исключением Ненецкого АО) возросла, а перепись населения 2010 г. свидетельствует, что доля русских выросла во всех регионах европейского Севера, и этническая гомогенизация становится устойчивым процессом. Таким образом, *в статистическом отношении* европейский Север Российской Федерации продолжает оставаться «русским», поскольку русские численно доминируют во всех областях, республиках и округах. Русское население формируется не только посредством естественного прироста, но как и в предшествующие эпохи отчасти за счет ассимиляции этнических меньшинств, которые являются аборигенным населением региона. Так, к примеру, опрос учащейся молодежи, проведенный в Коми в 1998 г., показал, что пятая часть городских школьников (возраст 16–17 лет), у которых оба родителя коми, называли себя русскими [Шабаетов 1998, с. 91–112]. Процессы ассимиляции в последующие годы не ослабевали, о чем свидетельствовали результаты переписи 2002 г., показавшей весьма заметное сокращение численности карел, коми, вепсов, которое невозможно объяснить только превышением смертности над рождаемостью, имевшим место в последние годы [Клементьев 2002; Шабаетов 2002], а также итоги переписи-2010 г., подтвердившие, что тенденция к изменению культурных идентичностей усиливается, за счет чего численность уральских народов сократилась весьма значительно [Вот какие мы – россияне 2011].

Заключение

«Русский Север» как исторический топоним является довольно поздним образованием, и как культурно-исторический регион он никогда не был собственно «русским», но русское население здесь начинает преобладать уже ко времени подчинения этих земель Москве. Однако это население маркировалось и маркировало себя по-разному, а культурные идентичности и культурные маркеры были тесно связаны с официальной идеологией и политикой. Сам же термин «Русский Север» ныне в большей мере утратил топонимическое значение и имеет фольклорно-этнографическое содержание в научной и культурологической литературе. Исчезновение этнической маркировки европейского Севера, однако, диссонирует с попытками однозначно этнически маркировать другие полиэтничные российские регионы – «кавказские регионы», «финно-угорские регионы» [Шабаетов 2010]. Сегодня европейский Север – это депрессивный регион [Север: проблемы периферийных территорий 2007; Пилясов 2009], который вновь воспринимается как периферия. При этом

политическое значение данного региона явно недооценивается, хотя параллельно разрабатываются специальные программы регионального развития для Северного Кавказа, Приморья, Сибири, но не для европейского Севера, т.е. самый «русский регион» страны обойден вниманием политического руководства. По мнению известного российского этнолога А.В. Головнева, геопозиция России выглядит размытой, поскольку в национальном самосознании россиян «северная перспектива» явно недооценена, хотя в цивилизационном плане «север предстает не стороной света, а основным пространством нестоличной России» [Головнев 2004, с. 476]. Впрочем, о многозначности восприятия Севера и неопределенности северной политики современной России пишут и многие зарубежные исследователи [Stammler-Grossman 2008; Brunstad 2004]. Тем не менее, очередная перекалфикация европейского Севера в политически значимый регион еще не произошла, хотя и вполне возможна, поскольку в публичной сфере начинается конкуренция между геокультурными понятиями «Поморье», «Русский Север» и «Беломорская Русь».

Литература

- Андерсон Б. (2001) Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле.
- Ануфриев В.В. (2008) Русские поморы. Культурно-историческая идентичность. М.: Российский институт культурологии.
- Бахтурина А.Ю. (2004) Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН.
- Бернштам Т.А. (1978) Поморы: формирование группы и система хозяйства. Л.: Наука.
- Булатов В.Н. (1999) Русский Север. Книга третья. Поморье. Архангельск: Изд-во Поморского государственного университета.
- Витов М.В. (1997) Этнография Русского Севера. М.: Институт этнологии и антропологии РАН.
- Власова И.В. (2005) Этническая история и формирование населения Русского Севера // Этнопанорама. № 1–2.
- Вот какие мы – россияне // «Российская газета», 22 декабря 2011 г.
- Головнев А.В. (2004) Северная перспектива в истории России // Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург-Москва: Академкнига.
- Грамота договорная Новгорода с Великим князем Ярославом Ярославовичем Тверским. 1264 г. / Сборник грамот и договоров Великого Новгорода 1264–1561 (в копиях) / РГБ. ф.303.1 // <http://stsl.ru/manuscripts/>
- Гуревич А.Я. (1972) Категории средневековой культуры. М.: Искусство.
- Давыдов А.Н. (1983) К этнографии низовьев Северной Двины и города Архангельска в свете историко-культурного районирования Русского Севера // Природа и хозяйство Севера. Вып. 11. Мурманск: Мурманский педагогический институт.
- Джаксон Т.Н. (1988) Русский Север в древнескандинавских сагах // Культура Русского Севера. Л.: Наука.
- Деготь Е. (2002) Пространственные коды «русскости» в искусстве XIX века // Отечественные записки. № 6.
- Дробизева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. (1996) Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль.
- Есипов Павел (2006) Двойные стандарты // «Единый мир», выпуск 8 (20).

- Ефименко П.С.* (1869) Чудь заволоцкая. Архангельск: Издательство Арх. губерн. стат. ком.
- Жеребцов Л.Н.* (1982) Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами X в. – начало XX в. М.: Наука.
- Захарова Н.Н.* (2011) Архангельский север в древнескандинавской литературе // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика: сб. науч. статей. Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 5. Архангельск: Поморский университет.
- Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XIX вв. (2006). СПб.: Алетейя.
- Калуцкий В.Н.* (2009) Русский Север как культурно-географический регион // Геокультурное пространство европейского севера: генезис, структура, семантика. Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 4. Архангельск: Поморский университет.
- Карелы Карельской АССР (1983). Петрозаводск: Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР.
- Ким М.П.* (1972) Советский народ – новая историческая общность. М.: Политиздат.
- Клементьев Е.И.* (2007) Республика Карелия в зеркале переписи 2002 г. // Этнокультурный облик России: перепись 2002 года. Отв. ред. В.В. Степанов, В.А. Тишков. М.: Наука.
- Конаков Н.Д.* (1996) Традиционное мировоззрение коми. Окружающий мир. Пространство и время. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН.
- Криничная Н.А.* (1991) Предания Русского Севера. СПб.: Наука.
- Лашук Л.П.* (1969) Чудь историческая и чудь легендарная // Вопросы истории. № 10.
- Ленин В.И.* (1) (1986) К вопросу о национальностях или об автономизации // Полное собрание сочинений. 5 изд. Т. 45. М.: Издательство политической литературы.
- Ленин В.И.* (2) (1986) Рабочий класс и национальный вопрос // Полное собрание сочинений. 5 изд. Т. 23. М.: Издательство политической литературы.
- Лепехин И.И.* (2010) Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства: в 4 т. Репринтное издание 1771–1805 гг. СПб.: Альфарет.
- Лескинен М.В.* (2010) Великороссы/великорусы в российской научной публицистике (1840–1890) // Славяноведение. № 6.
- Лихачев Д.С.* (1983) Предисловие // Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Архангельск: Поморский университет.
- Лотман Ю.М.* (1999) О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек- текст- семиосфера- история. М.: Язык русской культуры.
- Миллер Г.Ф.* (1937, 1941) История Сибири. Т. 1,2. М.-Л.: Издательство АН СССР.
- Мусаев В.И.* (2007) «Финнизаторы» и «обрусители». Документы по истории борьбы за влияние в Карелии (конец XIX–XX вв.) // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 10. Финно-угорские народы России: проблемы истории и культуры. Источники, исследования, историография.
- Нильсен Й.* (1996) Новая земля – ничейная земля // Народы и культуры Баренцева региона. Тромсе: Университет Тромсе.
- Ноженко М.В.* (2007) Национальные государства в Европе. СПб.: Норма.
- Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т.1. Архангельская губерния. Тетрадь 1 / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905.
- Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности (2001). М.: МОНФ.
- Размолодин М.Л.* (2011) О разности фундаментальных основ черносотенной и националистической доктрин в России начала XX века // Клио. № 2 (53).
- Рассел Б.* (1994) История западной философии: В 2 т. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета.
- Руссо Ж. Ж.* (1998) Об общественном договоре. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле.

- Рябинин Е.А.* (1995) К этнической истории Русского Севера (чудь заволочская и славяне) // Русский Север. К проблеме локальных групп. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера).
- Север: проблемы периферийных территорий (2007). Отв. ред В.Н. Лаженцев. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН.
- Пилясов А.Н.* (2009) И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знания. М.: Либроком.
- Слезкин Ю.* (2008) Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение.
- Соколова З.П., Степанов В.В.* (2007) Коренные малочисленные народы Севера. Динамика численности по данным переписей населения // Этнографическое обозрение. № 5.
- Соловьева А.Н.* (2011) «Русский Север»: смысловые горизонты этничности в культурном пространстве // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика: сб. науч. статей. Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 5. Архангельск: Поморский университет.
- Сталин И.В.* (1947) Организация Российской Федеративной Республики // Сочинения. Т.4. Ноябрь 1917–1920. М.: Государственное Издательство политической литературы.
- Сурво А.А.* (2009) Уральский миф // Семиозис и культура. Философия и феноменология текста. Вып. 5. Сыктывкар: КГПИ.
- Теребихин Н.М.* (2004) Метафизика Севера. Архангельск: Поморский университет.
- Тишков В.А.* (1993) Стратегия и механизмы национальной политики // Национальная политика в Российской Федерации. М.: Наука.
- Тишков В.А., Шабаев Ю.П.* (2011) Этнополитология: Политические функции этничности. М.: Издательство МГУ.
- Федоров П.В.* (2009) Северный вектор в российской политике. Центр и Кольское Заполярье в XVI–XX вв. Мурманск: Мурманский педагогический университет.
- Филатов С.Б.* (2002) Архангельский край – хранитель духовных традиций Новгородской республики // Гуманитарные исследования и гуманитарное образование на европейском севере. Сборник материалов международной научной конференции (Архангельск, 16–18 сентября 2002 года). Архангельск: Поморский государственный университет.
- Хабермас Ю.* (2002) Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. М.: Праксис.
- Чертина З.С.* (2000) Плави́льный котел? Парадигма этнического развития США. М.: Институт всеобщей истории РАН.
- Шабаев Ю.П.* (1998) Время кризиса и этнополитические представления молодежи // Идентификация идентичности. Т.2. М.: Институт этнологии и антропологии РАН.
- Шабаев Ю.П.* (2003) Кому нужны поморы? // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 51.
- Шабаев Ю.П.* (2007) Республика Коми: этническая ассимиляция или культурный плюрализм? // Этнокультурный облик России: перепись 2002 года. Отв. ред. В.В. Степанов, В.А. Тишков. М.: Наука.
- Шабаев Ю.П.* (2010) «Русский Север» в этнокультурном и этнодемографическом измерении // Известия Коми научного центра. № 3.
- Шабаев Ю.П., Дронова Т.И., Шаранов В.Э.* (2010) Коми-ижемцы, поморы и усть-цилемы: модели культурных трансформаций // Этнографическое обозрение. № 5.
- Шабаев Ю.П., Чарина А.М.* (2010) Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). СПб.: Издательство СПбГУСЭ.
- Энгельгардт А.П.* (1897) Русский Север. Путевые записки. СПб.: Издательство А.С. Суворина.

Braudel F. (1986) *Identité de la France*. Paris: Flammarion. Vol. 1.

Bjørn Brunstad, Eivind Magnus, Philip Swanson, Geir Hunneland, Indra Шverland (2004) *Big Oil Playground, Russian Bear Preserve or European Periphery? The Russian Barents Sea Region towards 2015*. Eburon Delft: Eburon Academic Publishers.

Stammler-Gossmann Anna (2008) *Reshaping the North of Russia: toward a conception of space/ Position paper for the 5th NRF open Assembly, September 24th – 27th 2008/www.nrf.is / Open Meetings*. Papers/StammlerGrossmann.

Taagapera, Rein (1999) *The Finno-Ugric Republics and the Russian State*. NY: Routledge.

Wixman R. (1986) *Applied Soviet National Policy: A Suggested Rationale, Turco-Tatar Past Soviet Present/Ed. By Ch. Lemerrier-Quellejey, G. Veinstein and S.E. Wimbush*. Paris: Ecole des Hautes Etudes eu Sciences Sociales.